

ПРИКАЗ НКВД № 00447 «ОБ ОПЕРАЦИИ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ... АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ». ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, 1937—1938 гг.



Елена Николаевна ЧЕРНОЛУЦКАЯ,
кандидат исторических наук

1937—1938 годы вошли в историю советской репрессивной системы как Большой террор — особо кровавый период, отличавшийся необычайной жестокостью ведения следствия, абсурдной повальной фальсификацией уголовных дел, массовостью арестов и смертных казней. Он включал в себя также повальные «чистки» предприятий и парторганизаций, многолюдные собрания «общественности» истерического характера и т.п. Однако в связи с ограниченными рамками статьи остановимся только на действиях органов НКВД. Введение в научный оборот ранее секретных документов и современные исследования позволяют более четко определить рамки, выделить основные этапы и направления репрессий этих лет.

Первый этап можно назвать «разбегом». Он продолжался с марта по июль 1937 г. Его предвестником явился февральско-мартовский (1937 г.) пленум ЦК ВКП(б), где Сталин по сути дал «теоретическое обоснование» массовых репрессий, обрисовав «чрезвычайно опасное» положение в стране в связи с происками различного рода вредителей, саботажников, диверсантов и т.д. Кроме того, в завуалированной форме он показал возможность замены старой партийной номенклатуры новыми выдвиженцами. Советский вождь призвал к усилению бдительности, разоблачениям и доносительству, не определив при этом четко понятия «классовый враг», что позволяло безмерно расширять его социальные границы.

Для исполнения очередных задач карательной политики был подготовлен и ее новый главный исполнитель: в конце сентября 1936 г. на посту наркома внутренних дел Г.Г. Ягоду сменил более жесткий Н.И. Ежов. Под его руководством в первой половине 1937 г. в стране началась реализация задач, выдвинутых пленумом, — масштабная «чистка» партийного и хозяйственно-го аппарата, армии и НКВД, предприятий и колхозов. Арестам и увольнениям подверглись десятки и сотни людей.

На Дальнем Востоке одними из первых жертв нового витка террора стали представители реальной троцкистской оппозиции, осужденные ранее и отбывавшие наказание на Колыме, куда их привезли в 1936 г. из различных лагерей страны. В 1937 г. в Дальстрое против них было возбуждено новое следствие по делу о так называемом «Колымском троцкистском центре», по которому 1—18 марта 1937 г. к расстрелу приговорили пять человек (С.Я. Кроль, Ю.А. Барановский, И.М. Бесидский, С.О. Болотников, М.Д. Майденберг). Исполнение приговора произошло спустя полгода¹.

В это время управление НКВД на Дальнем Востоке возглавлял Т.Д. Дерibas, находившийся на своей должности с декабря 1929 г. Однако центральное руководство, видимо, не вполне рассчитывая на силы местных кадров, выслало в ДВК своих эмиссаров. В Хабаровск 23 апреля 1937 г. прибыла бригада во главе с начальником одного из оперативных управлений центрального аппарата НКВД Л.Г. Мироновым. Москвичи внедряли «новые методы» в работу следственных органов — запугивание арестованных, фальсификацию протоколов, «конвейерные» допросы. Основные усилия бригады были сосредоточены на руководящих кадрах края, следствие по делам которых давало возможность «раскрыть» внушительный троцкистский заговор. Начались аресты также в командном корпусе армии и среди самих сотрудников ГБ².

Тогда же «для оказания помощи железным дорогам на Дальнем Востоке» прибыла бригада во главе с помощником начальника Транспортного отдела ГУГБ НКВД СССР И.А. Грачом. Сначала она работала в дорожно-транспортном отделе (ДТО) ГУГБ НКВД Амурской железной дороги (г. Свободный), а затем — в Хабаровске в ДТО Дальневосточной железной дороги. Один из бывших чекистов-дальневосточников в период реабилитации свидетельствовал, что до приезда бригады ни одной крупной шпионско-диверсионной террористической организации на ж-д. транспорте в регионе вскрыто не было. Но бригада Грача сразу же «обнаружила» таковые. В протоколах следствия, которое она вела, приводились заведомо ложные факты взрыва мостов, организации крушения скорых поездов, массовых отравлений рабочих и служащих и т.п. При этом местные работники ДТО к следственной работе по этому делу не привлекались, и даже руководство отделом не было ознакомлено с протоколами допросов арестованных. Во время следствия бригадой Грача применялась так называемая конвейерная система допроса арестованных, сутками стоявших в кабинетах³. Для многих следствие заканчивалось высшей мерой наказания. В мае, по неполным данным, в г. Свободном было расстреляно 44 чел. В Хабаровске в мае погибли не менее 37, а летом и осенью 1937 г. — около 500 сотрудников дальневосточной железной дороги⁴. (И.А. Грач был арестован в декабре 1938 г., расстрелян в мае 1939 г.⁵)

Волна арестов в крае усилилась после XII Дальневосточной партийной конференции (конец мая 1937 г.), проходившей в атмосфере истерических разоблачений происков «врагов народа»⁶. Даже на малолюдном Северном Сахалине за первое полугодие 1937 г. были арестованы 2 600 чел.⁷, что составляло более 2% его населения.

Начальник УНКВД по ДВК Т.Д. Дерibas критически отнесся к приезду московской бригады и по мере возможности не давал разрешения на расширение необоснованных арестов. Однако москвичи настойчиво добивались своей цели. Необычайную активность проявил один из них — А.А. Арнольд, который не только собственноручно сфабриковал материалы на арестованного начальника «Дальлеса» П.Г. Гербека, председателя Далькрайисполкома Г.М. Крутова и др., но и втайне от непосредственного начальства с нарочным отправил на имя руководства НКВД копии этих документов, сопроводив их запиской о «тяжелой обстановке в дальневосточном УНКВД» и сопротивлении Т.Д. Дерibasа и его заместителя Д.В. Западного деятельности бригады⁸. В последних числах июля 1937 г. Дерibas был отстранен от должности, а 12 августа арестован.

Судьба начальника УНКВД ДВК попала в водоворот *второго* — (*наивысшего*) — *этапа* Большого террора, который длился с августа 1937 по ноябрь 1938 г. Очередная стартовая отмашка была сделана на июньском (1937 г.) пленуме ЦК, объявившем о существовании в стране огромной контрреволюционной троцкистской организации и задачах, стоявших перед всеми гражданами СССР по ее обезвреживанию. Решения пленума и последующие затем оперативные приказы НКВД означали переход к *массовым* репрессивным операциям, охватывавшим *тысячи* жертв в каждом регионе. Второй этап включал в себя две глобальные кампании — массовую операцию по приказу 00447 и группу массовых операций по репрессированию национальных контингентов.

Развивая линию июньского пленума, 2 июля 1937 г. политбюро приняло решение «Об антисоветских элементах», на основании которого 30 июля Ежов подписал оперативный **Приказ НКВД № 00447** «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», 31 июля он был утвержден политбюро ЦК ВКП(б). Приказ обязывал подвергнуть уголовному наказанию несколько категорий «активных враждебных элементов», включая тех, кто уже отбыл сроки заключения и спецпоселения, бежал оттуда или продолжал находиться в лагерях и спецпоселках. Среди них — бывшие кулаки, члены антисоветских партий (эсеры и др.), бывшие «белые», жандармы, чиновники, бандиты, бандпособники, участники казачье-белогвардейских повстанческих организаций, сектанты, уголовники. Предусматривалось только два вида наказания — расстрел и лишение свободы на сроки от восьми до десяти лет. В соответствии с этим все репресслируемые делились на две категории. В приказе были намечены «лимиты» по репрессиям для каждого региона. Для ДВК они составили 6 000 чел., из них 2 000 — по «первой категории» (подлежали расстрелу) и 4 000 чел. — по «второй» (отправка в лагерь), а всего по стране соответственно — 268 950, 79 950 и 193 000 чел.⁹

В большинстве регионов операция должна была начаться 5 августа, а на Дальнем Востоке — 15 августа 1937 г. и завершиться в течение 4 месяцев. Однако в указанный срок она закончена не была и продлевалась до 15 января 1938 г. и далее. Решением политбюро от 31 января 1938 г. дополнительно к прежним были установлены новые «лимиты»: в ДВК — восемь тысяч чел. на расстрел и две тысячи на заключение в ИТЛ (не считая массовых казней в лагерях). Операцию на Дальнем Востоке продлили на два месяца (в других регионах — на полтора). Многие местные органы НКВД запрашивали у Москвы дополнительные «квоты». Так, 31 июля 1938 г. в связи с событиями в районе оз. Хасан на запрос начальника УНКВД по ДВК Г.Ф. Горбача политбюро ЦК ВКП(б) ответило разрешением увеличить «лимит» до 15 тыс. чел. по первой категории и до 5 тыс. — по второй¹⁰.

Столь масштабные репрессии уже не могли быть обеспечены процессуально судебными инстанциями. Поэтому государство вновь (после массовой антикрестьянской кампании начала 1930-х годов) прибегло к широкому использованию внесудебных «троек». В их состав в каждом крае и области вошли высшие местные руководители: начальник управления НКВД, краевой/областной прокурор и секретарь крайкома/обкома ВКП(б). В приказе 00447 был объявлен персональный состав «троек»: в ДВК — Люшков (председатель), Птуха и Федин¹¹. В течение операции этот состав менялся вместе со сменой должностных лиц, в большинстве — по причине репрессий. По стране «тройки» прекратили свою деятельность в разное время. Предположительно, дольше всех они работали на Дальнем Востоке¹². «Тройки» выносили решение при закрытых дверях, в отсутствие обвиняемого, о приговорах к ВМН осужденному не сообщалось. С 1937 г. в следственных органах по прямому указанию ЦК ВКП(б) стали насаждаться пытки и избиения арестованных для «ускорения разоблачения врагов народа»¹³, поскольку показания и признания обвиняемых согласно теоретическому обоснованию прокурора СССР Вышинского имели решающее значение для вынесения приговора по делам о контрреволюционных преступлениях¹⁴.

В краях и областях с каждым новым витком репрессий заменялись почти все начальники управлений и ключевых подразделений НКВД, на место которых из других регионов направлялись сотрудники, проявившие себя наиболее рьяными исполнителями карательной политики. Так случилось и с Дерibasом, и арестованными следом его заместителями — Западным и Барминским, а также начальниками УНКВД Амурской, Уссурийской, Приморской областей и значительной группой сотрудников ГБ более низкого ранга. В июле 1938 г. Т.Д. Дерibas был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян¹⁵.

Новым начальником дальневосточного УНКВД стал Г.С. Люшков, до этого занимавший такую же должность в Азово-Черноморском крае, где под его руководством активно разоблачались «троцкистско-бухаринские шпионы». Люшков работал также в следственной комиссии по делу убийства С.М. Кирова

и зам. начальника секретно-политического отдела ГУГБ СССР. Лейтмотив своего назначения новый шеф выразил на совещании оперативного состава УГБ, заявив, что Дальний Восток является «оплотом контрреволюции на советской земле», и перед чекистами поставлена задача «самым беспощадным образом разгромить врагов». Именно под руководством Люшкова в крае началось выполнение приказа 00447 и внедрение поголовного избения арестованных в качестве основного метода ведения следствия. С собой он привез группу коллег — опытных фальсификаторов Н.И. Евтушенко, А.П. Малахова, А.М. Малкевича и др., поставив их на место отстраненных от работы руководителей ключевых подразделений краевого аппарата УГБ НКВД¹⁶.

Так, в августе 1937 г. были арестованы начальники Приморского областного управления НКВД Я.С. Визель (занимал эту должность с сентября 1933 г.; отправился во время следствия) и Амурского областного отдела ГПУ НКВД Г.А. Давыдов (на должности был с декабря 1932 г.; расстрелян в феврале 1938 г.). На место Визеля Люшков назначил М.И. Диментмана, который приехал в ДВК с бригадой Миронова и работал «по очищению Дальневосточной железной дороги». Вместе с ним в Приморье были направлены И.А. Лиходзеевский и У.П. Заброцкий. Люшков дал всей группе задание произвести аресты троцкистов, японских шпионов, вредителей, диверсантов и т.п., прежде всего — среди сотрудников УНКВД, что они старательно и выполняли. Особенно зловещую роль в организации репрессий в Приморье сыграл И. Лиходзеевский, неофициальный заместитель Диментмана, насаждавший поголовное доношительство в аппарате управления НКВД, лично принимавший участие в допросах и избениях арестованных¹⁷.

На Колыме почти весь руководящий аппарат Дальстроя был заменен в декабре 1937 г. Директора треста Э.П. Берзина, отправленного в отпуск, арестовали недалеко от Москвы, 1 августа 1938 г. он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян. Его судьбу разделили почти все руководители управлений ДС. Очередным начальником Дальстроя стал сотрудник ГБ К.А. Павлов, прокурором — Л.П. Метелев, начальником УНКВД — В.М. Сперанский, составившие новую «тройку» (состав первой «тройки» пока не выявлен)¹⁸.

Тогда же в Магадан прибыла московская бригада следователей НКВД в составе М.П. Кононовича, М.Э. Каценеленбогена, Л.А. Виницкого и С.М. Бронштейна. Совместно с дальневосточными работниками ГБ они сфабриковали дело о «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации», которая якобы имела связи с «антисоветской шпионской организацией ДВК» (Дерибас, Лаврентьев, Крутов и др.) и «широко разветвленную бандитско-повстанческую сеть» среди заключенных. Бригада вернула в Москву только в конце 1938 г.¹⁹

В мае 1938 г. политбюро приняло решение освободить Г.С. Люшкова от работы на Дальнем Востоке и отозвать его в центральный аппарат НКВД. Однако в ночь с 12 на 13 июня он, прихватив ценные документы, бежал в Маньчжоу-Го²⁰. Для секретного расследования инцидента на Дальний Восток по заданию ЦК ВКП (б) и НКВД СССР прибыл зам. наркома внутренних дел М. Фриновский. Кроме этой тайной миссии он имел официальное поручение контролировать проведение операций по «антисоветским элементам» во всесоюзном масштабе. С его прибытием в регионе прошли аресты в краевом и областных аппаратах НКВД, снявшие очередную слои исполнителей репрессивной политики. На место бежавшего был назначен один из самых жестоких региональных руководителей НКВД Г.Ф. Горбач. До этого он возглавлял управления в Омской области и Западно-Сибирском крае, везде добиваясь значительного увеличения «квот» на репрессии. То же он сделал и в ДВК, получив от политбюро 31 июля 1938 г. третий «лимит» для края на 20 тыс. чел. в рамках операции по приказу 00447 (приговорен к ВМН в марте 1939 г.)²¹

Пожалуй, лишь один руководитель НКВД среднего звена на Дальнем Востоке казался непотопляемым — начальник Сахалинского областного управления НКВД и начальник погранотряда В.М. Дреков. Он работал в этой должно-

сти с мая 1931 г.²² и пережил не одного краевого начальника. По мере ужесточения государственной репрессивной политики Дреков все больше превращался в настоящего диктатора местного значения, организовывал повальные аресты, внедрял пытки, жестоко расправлялся с недовольными. Не случайно период Большого террора на Сахалине в народе назвали «дрековщиной». Арестовав первых секретарей Сахалинского обкома партии П.М. Ульяновского (октябрь 1937 г.), а позже Ф.В. Беспалько (июнь 1938 г.), он длительное время сам секретарствовал, сосредоточив таким образом в своих руках областную власть не только по линии НКВД, но и партийную. И только в сентябре 1938 г. он был арестован, а в начале 1940 г. приговорен к ВМН за «измену Родине», «вредительство», «террор», «участие в контрреволюционной организации». Расстрелян в феврале 1940 г. в Москве²³.

Новые руководители краевого УНКВД с лета 1938 г. стали внедрять в практику допросов применение таких методов, как жестокое избивание, самозатягивающиеся наручники (которые специально для этой цели были присланы из Москвы), многосуточная стойка, посадка копчиком на угол стула, лишение сна и другие страшные истязания. В особо массовом масштабе такое ведение следствия насаждалось при Люшкове и Горбаче, которые постоянно подчеркивали, что руководство НКВД рассматривает всех уклоняющихся от «новых методов» работы сотрудников как скрытых врагов народа и намерено решительно расправляться с ними²⁴.

Операция по приказу 00447 охватила несколько целевых групп. Если решение политбюро от 2 июля 1937 г. направляло репрессии на «кулаков» и уголовников, то директивы НКВД значительно расширили перечень категорий репресслируемых, в число которых мог попасть любой.

Одной из наиболее массовых жертв операции стали крестьяне. На Дальнем Востоке, пожалуй, не было ни одного района или села, где бы сотрудники НКВД не «вскрыли» различного рода кулацкие, белогвардейские, казачьи и т.п. организации. Особенно сильно пострадала «крестьянская» Амурская область. Согласно обзорной архивной справке на сотрудников НКВД массовая фальсификация дел о контрреволюционных организациях и заговорах в области относится ко второй половине 1938 г., когда шефом местного управления стал Я.Е. Перельмутр. Он приехал на Дальний Восток из Ленинграда в составе бригады НКВД, с 23 июля временно занимал должность начальника УНКВД Приморской области, а с августа 1938 по январь 1939 г. — Амурской области, где сменил арестованного М.И. Говлича. На первом же оперативном совещании он сообщил контрольную цифру арестов по области — 10 тыс. чел. Для фабрикации групповых дел Перельмутр ввел специальную систему следственного производства. После того как в тюрьме набралось около пяти тысяч арестованных, он приказал заполнять на них анкеты, разбивать на группы по социальным, профессиональным и национальным признакам, в соответствии с которыми фальсифицировать дела, выбивая признания. Если при Говличе в управлении применялись такие методы допроса, как избивание, связывание рук проволокой и веревками, многосуточное выстаивание на ногах, использование противояда и наручников, то Перельмутр ввел поголовную порку. Вместе с начальниками отделений он ходил по кабинетам и лично жестоко порол арестованных. Этому последовали и рядовые сотрудники. В конце концов, вся тюрьма узнала об этих избиваниях. Многие стали подписывать любые обвинения, не дожидаясь экзекуции. К особенно строптивым применялись исключительно жестокие меры, приводившие иногда к смерти. В результате были сфальсифицированы дела по «белоказачьей повстанческой организации», «трудовой крестьянской партии», «женской резидентуре японских разведорганов» и др. Только по делам, представленным 4-м отделом (начальник Ф.А. Крохичев) Амурского областного УНКВД, «тройка» ДВК приговорила к расстрелу 713, к лагерям — 130 чел.; по делам 3-го отдела (Д.И. Пронин) соответственно — 1 028 и 63 чел. (М.И. Говлич и Я.Е. Перельмутр осуждены к ВМН в 1939 г.)²⁵.

С приездом бригады Миронова на Дальнем Востоке началась, а после замены Дерибаса Люшковым продолжилась фабрикация грандиозного дела о так

называемой «дальневосточной правотроцкистской шпионской диверсионно-вредительской организации», по которому прошли тысячи обвиняемых как руководящих работников, так и рядовых граждан. Участники организации были «выявлены» во всех областях края, в партийных, советских, хозяйственных, военных и иных структурах всех уровней. По версии авторов сценария, возглавляли «Дальневосточный правотроцкистский центр» первый секретарь Далькрайкома Л.Ч. Лаврентьев, начальник краевого управления НКВД Т.Д. Дерибас, маршал М.В. Блюхер, председатель Далькрайисполкома Г.М. Крутов и др. Им инкриминировалось создание широкой сети шпионско-террористических организаций для отторжения Дальнего Востока от СССР, передачи его Японии и реставрации капитализма. Под общим руководством «центра» фантастическим образом «объединялись» ячейки бывших белогвардейцев, красных партизан, заключенных, раскулаченных крестьян, государственных чиновников, партийной номенклатуры, военных командиров, корейцев, поляков и т.д.

В связи с арестами по три-четыре раза сменились руководители всех сфер управления края и областей, включая органы НКВД, были обезглавлены вооруженные силы региона. Например, из Приморского управления НКВД к концу 1937 г. в тюрьме оказалось более 20 чекистов. В ОКДВА с 1 января по 1 ноября 1937 г. было уволено 1 867 и арестовано 642 командира всех степеней²⁶, а с июля 1937 г. по май 1938 г., согласно признаниям бежавшего Люшкова, в тюрьмы отправлено 1 200 офицеров и политкомиссаров, 3 000 младших офицеров²⁷. Репрессии в армии усилились летом 1938 г. с приездом на Дальний Восток Фриновского и замнаркома обороны, начальника главного политуправления РККА Л.З. Мехлиса. Отправив «компромат» Ворошилову и Сталину, они сыграли зловещую роль и в судьбе В.К. Блюхера, который в августе 1938 г. был отозван с Дальнего Востока, погиб 9 ноября того же года в застенках НКВД в результате зверских пыток. От репрессий пострадали и все члены семьи Блюхера, включая жен и детей от первых двух браков²⁸.

По сфальсифицированным делам проходили также бывшие члены неболшевицких партий, их родственники и знакомые. Например, в Приморье сотрудники НКВД в конце июля — августе 1937 г. арестовали 83-летнего М.А. Тимофеева, обвинив его в организации эсеровского подполья, куда он якобы завербовал более 30 чел., включая свою дочь, зятя и других лиц. «Основанием» для следствия было эсеровское прошлое сына главного обвиняемого Е.М. Тимофеева (был членом ЦК ПСР, осужден в ходе нашумевшего процесса по делу эсеров в 1922 г., жил в ссылке в Средней Азии, в 1936 г. вновь арестован, содержался в Бутырской тюрьме, расстрелян в 1941 г.).

Всем, проходившим по делу, инкриминировали подготовку к свержению советской власти, «установлению так называемого демократического государства с участием в управлении всех политических партий вплоть до кадетов и исключая коммунистов», «созданию на Дальнем Востоке буферного государства наподобие ДВР, захвату в дальнейшем руководящей роли эсеров в управлении буферным государством». В апреле 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР на закрытом заседании выездной сессии во Владивостоке приговорила «участников заговора» к ВМН (расстреляны в апреле — мае 1938 г.; М.А. Тимофеев умер во время следствия)²⁹.

Жертвами приказа 00447 стали и религиозные деятели. Так, в октябре 1937 г. УНКВД по ДВК сфабриковало дело о церковно-монархической шпионской организации в г. Ворошилово (совр. Усурийск). По обвинительному заключению были привлечены 11 чел. Среди них — епископ, священник, диакон, монахиня, церковный староста. «Тройка» УНКВД по ДВК 27 октября 1937 г. приговорила девять арестованных к расстрелу; двух — к 10 годам заключения³⁰. Можно предположить, что большую группу репрессированных составили также профессиональные уголовники, как того требовали документы.

В ходе выполнения приказа 00447 многочисленную армию новоиспеченных «политических преступников» пополнили лица, уже отбывшие сроки лишения свободы по приговорам начала 1930-х годов. Повторным арестам подверглись М.Н. Арсеньева (жена знаменитого исследователя), вышедшие из заключения

инженеры Дальзавода Н.Е. Лесников, В.Д. Бердичевский, В.В. Лавриненко, находившиеся в ссылке партийные корейцы А.А. Ким и М.М. Ким, лица, проходившие в 1933—1934 гг. по сахалинскому делу «Островные» и многие другие. Почти все они были расстреляны.

Аресты проводились не только индивидуально, но и большими группами. На Сахалине в апреле 1938 г. в течение первых двух дней работы областной партийной конференции было арестовано 18 делегатов³¹. Во Владивостоке в июне 1938 г. во время партийного пленума в одну ночь в застенки было отправлено 40 членов приморского партийно-хозяйственного актива, в том числе секретари обкома ВКП (б) Н.П. Коротков, К.Т. Галкин, Г.А. Миньков, И.В. Колин, редактор газеты «Красное знамя» А.К. Карро и др.³²

За год дело о «троцкистском заговоре» разбухло до немыслимых размеров. Тюрмы были переполнены, массовые расстрелы следовали один за другим. 17 бывших руководителей края и областей — Г.М. Крутов, В.А. Верный, С.И. Западный, Е.В. Лебедев, Э.Г. Райхман, М.П. Вольский и др., проходивших по делу о «Дальневосточном центре», были расстреляны в Хабаровске 3 июня 1938 г. В ночь на 6 июня приговоры к высшей мере наказания по тому же делу были приведены в исполнение во всех областных центрах ДВК³³.

Другим направлением операции по приказу 00447 было репрессирование заключенных тюрем и исправительно-трудовых лагерей. Разъяснения по этой группе Ежов изложил в краткой директиве № 409 от 5 августа 1937 г. Для заключенных применялась лишь одна мера наказания — расстрел. Так называемое «следствие» проводилось в лагерях без самого обвиняемого, только на основе имевшихся документов. Поэтому вновь осужденные лагерники, идя на смерть, не знали не только о приговоре к ВМН, но и о новом возбуждении дела против себя.

Акция начиналась 10 августа 1937 г. и должна была продлиться два месяца. Общий «лимит» для всех ИТЛ в СССР устанавливался в 10 тыс. чел. с распределением долей каждому лагерю. Но так же, как и по основной операции, указанные в директиве сроки продлевались, а «квоты» пересматривались. В целом по стране выполнение приказа 00447 в лагерях достигло апогея в период между февралем и апрелем 1938 г. и лишь в ноябре 1938 г. завершилось³⁴.

Современные исследования показывают, что наиболее трагические события происходили в 1938 г. в лагерях ДВК. Специальное решение политбюро ЦК ВКП (б) от 1 февраля 1938 г. «Вопросы НКВД по Дальнему Востоку» предусматривало усиление охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Маньчжурией, МНР и требовало установления строгого режима на приграничной территории. В связи с этим намечался комплекс мер по так называемой «очистке» дальневосточных лагерей. Он, в частности, включал в себя дополнительное репрессирование 12 тыс. заключенных, осужденных за шпионаж, террор, диверсии, измену Родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов. Дела на них требовалось рассмотреть до 1 апреля 1938 г.³⁵

В рамках операции в г. Свободном в первой половине августа 1937 г. было расстреляно 937 заключенных БАМлага, в г. Хабаровске в один из июльских дней 1938 г. — 349 заключенных Амурлага. Осенью 1937 г. в БАМлаге было объявлено о ликвидации троцкистско-шпионской вредительской организации в медико-санитарной службе. 2 декабря 1937 г. по приговору «тройки» ДВК были расстреляны 24 медицинских работника лагеря, обвиненных в «занятиях диверсионной хирургией», «лжеврачевании», «контрреволюционной пропаганде», «шпионаже» и т.п. В 1938 г. в Амурском, Юго-Восточном, Буреинском, Западном лагерях зоны БАМа было арестовано более 250 чел. по делу о «повстанческой организации фашистского толка», которая якобы на сентябрь—октябрь 1938 г. планировала вооруженное выступление в Приамурье. В случае неудачи следствие приписывало «повстанцам» план переброски в Маньчжоу-Го и соединения с бандами русских белогвардейцев и японскими войсками³⁶. В Дальлаге в 1937 г. была вскрыта «контрреволюционная право-троцкистская вредительская организация», члены которой — заключенные и сотрудники лагеря во главе с начальником управления Дальлага Я. Мартинелли (расстрелян) — якобы проводили антисоветскую пропаганду и организовывали диверсии³⁷.

Если по Бамлагу и Дальлагу приговоры выносила «тройка» ДВК, то для Дальстроя была учреждена собственная «тройка», которая вершила судьбы заключенных Севвостлага и вольнонаемных работников треста. Официально она подчинялась «тройке» ДВК. Выполнение приказа 00447 в Магадане началось 2 августа с расстрела руководителей «контрреволюционного троцкистского центра на Колыме», осужденных 1—18 марта 1937 г.³⁸ В сентябре—ноябре 1937 г. «тройка» вынесла более 2,4 тыс. смертных приговоров заключенным Севвостлага. Новая «тройка», образованная после ареста Берзина и его команды, получила «лимит» на расстрел 10 тыс. лагерников. К началу лета 1938 г. были арестованы и осуждены 3 302 заключенных, по статьям обвинения 60% из них — троцкисты и правые, 35% — шпионы, террористы, вредители и т.п., 5% — бандиты и воры. Согласно протоколам второй «тройки» с 16 декабря 1937 по 15 ноября 1938 г. было казнено 5 801 чел.³⁹

Приказы наркома внутренних дел от 15 августа 1937 г. и 17 октября 1938 г. обязывали органы безопасности репрессировать также жен «изменников родины», а циркуляр от 20 мая 1938 г. — и «социально-опасных» детей репрессированных родителей, «проявляющих антисоветские и террористические настроения и действия». Они должны были «предаваться суду на общих основаниях и направляться в лагеря по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД»⁴⁰.

Вторая глобальная кампания в рамках Большого террора включала в себя операции по репрессированию ряда национальных контингентов. Этот вопрос, требует самостоятельного освещения. Отметим только, что во второй половине 1937 г. — начале 1938 г. Ежов подписал серию приказов, утвержденных политбюро ЦК ВКП(б), которые охватывали 12 этнических и одну неэтническую группу харбинцев (лица, вернувшиеся в СССР из Маньчжурии, в основном — бывшие работники КВЖД). На основании этого были проведены массовые аресты по национальному признаку (от десятков до тысяч чел. в зависимости от их наличия в данном крае или области) и сфальсифицированы уголовные дела. На Дальнем Востоке наиболее пострадавшими были поляки, немцы, китайцы, эстонцы, латыши, харбинцы⁴¹.

Таким образом, государственный террор охватил не только все социальные, но и все демографические группы населения СССР. Даже те родственники репрессированных, которым удавалось избежать ареста, переживали тяжкие испытания: их исключали из партии и комсомола, увольняли с работы. Студентов десятками отчисляли из вузов и техникумов как «детей врагов народа». Распространенным явлением стали самоубийства.

Репрессивная «аномалия» поставила всю страну в обстановку социального стресса. Все государственные и партийные инстанции захлестнул поток заявлений, жалоб и просьб разобраться по фактам необоснованных арестов и приговоров. Значительные неудобства стали испытывать все отрасли экономики из-за постоянного выбытия кадров в связи с арестами, исключениями из партии и увольнениями «врагов народа». В начале 1938 г. Сталин сделал первую попытку смягчить сопутствующие гонке террора явления. Январский пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляции исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». К этому времени в Далькрайкоме ВКП(б) имелась 101, в краевой партийной коллегии — 705 нерассмотренных апелляций, не считая апелляционных дел в областных и районных комитетах⁴². Решения пленума заставили местные партийные организации уменьшить ретивость в «охоте за ведьмами» и восстановить в партии, а также на работе часть исключенных.

Однако это послабление касалось только действий партийных органов. Реальные признаки торможения Большого террора наметились лишь осенью 1938 г., а официальное его окончание относится к середине ноября 1938 г. 17 ноября 1938 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором лицемерно осуждали нарушение законности карательными органами страны. Проведение массовых арестов и депортаций запрещалось, «тройки» упразднились. Тем не менее задача по

очистке СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов с НКВД не снималась, выдвигалось лишь требование более тщательной проверки обоснованности репрессий, восстановление обычной судебной практики⁴³. Возможно, стало очевидным, что политика массовых репрессий исчерпала свои социальные, демографические и идеологические ресурсы.

Такой поворот событий изменил в лучшую сторону судьбу части арестованных до ноября 1938 г., но не успевших получить приговоры. Их дела пересматривались, смягчались статьи обвинения и меры уголовного наказания. В 1939 г. многие были освобождены, а следственные дела на них закрыты за отсутствием состава преступления. Одновременно исполнители государственной репрессивной политики — глава НКВД, руководители аппарата всех уровней, многие сотрудники местных управлений — были смещены со своих постов и репрессированы по обвинению «во вражеской террористической деятельности», применении физического насилия к подследственным, «нарушении соц. законности».

До сих пор мы не можем точно сказать, сколько человек стали жертвами Большого террора на Дальнем Востоке. Как показано выше, только по приказу 00447 в регион было спущено три «лимита» на репрессирование в общей сложности 36 тыс. чел., в том числе на расстрел — 25 тыс. и на заключение в лагерь — 11 тыс. чел. По подсчетам М. Юнге и Р. Биннера, суммарный «лимит» составил 1,5% от численности населения ДВК, это был наивысший удельный вес по сравнению с другими регионами страны⁴⁴. Однако мы не знаем, были ли эти «лимиты» исчерпаны полностью. Кроме того, к данному числу следует прибавить «квоты» на расстрелы по лагерям, из которых достоверно известно только цифра для второй «тройки» Дальстроя — 10 тыс. чел. В настоящее время магаданскими историками выявлено, что на Колыме с сентября 1937 г. по 15 ноября 1938 г. было расстреляно 8 239 чел.⁴⁵

Помимо этих жертв приказа 00447, осужденных «тройками» ДВК и Дальстроя, в общую цифру репрессированных в годы Большого террора входят лица, арестованные в марте—июне 1937 г. и в ходе антинациональных операций второй половины 1937—1938 гг. Они были осуждены другими судебными и внесудебными инстанциями. Однако итоговых цифр по этим категориям на Дальнем Востоке также не выявлено.

В настоящее время мы располагаем лишь некоторыми отрывочными данными. Так, в Приморской и Уссурийской областях в 1937—1938 гг. были арестованы 15 435 чел., не считая армии и ТОФ⁴⁶, с августа 1937 по ноябрь 1938 г. расстреляно 9 020 чел.⁴⁷

Наиболее полные результаты можно было бы ожидать от местных Книг Памяти. Однако они еще не везде вышли в свет (нет в Приморском крае, Камчатской области), а изданные не окончательны и продолжают дополняться новой информацией (в Хабаровском крае и Сахалинской области выпущено уже несколько томов). Но самое главное, сведения, содержащиеся в них (т.е. пофамильные списки) пока не проанализированы по периодам, категориям осужденных, социальным группам и т.д., а это чрезвычайно трудоемкий процесс.

Определенную часть такой работы провели издатели «Книги Памяти» на Сахалине. По их подсчетам, перед войной было незаконно репрессировано около 4 тыс. жителей в возрасте от 16 до 70 лет. Из них по мотивам обвинения: служба в рядах белой армии (1918—1920 гг.) — 40 чел., религиозные убеждения (антисоветские) — 34, кулацкое прошлое, участие в кулацких восстаниях (1917—1930 гг.) — 276, связь с японской разведкой и жандармерией, шпионаж, участие в повстанческих организациях (1920—1937) — 446, антисоветская, контрреволюционная агитация и вредительство — 3 066 чел. Более двух тысяч сахалинцев были расстреляны, десятки умерли в местах заключения, 90 чел. освобождены в 1938—1939 гг.⁴⁸

Правда, существуют попытки определить масштабы репрессий на основании обнародованного службами ФСБ количества следственных дел по ст. 58 УК в краях и областях. Однако, на наш взгляд, такие подсчеты носят грубо ориентировочный характер. Во-первых, количество уголовно-следственных дел не

совпадает с числом пострадавших, так как есть дела, по которым проходили от двух до нескольких десятков человек. Во-вторых, определенное число лиц было осуждено обоснованно (реальные участники бандформирований, которых на Дальнем Востоке было немало, особенно в 20-е годы, реальные агенты иностранных разведок, нарушители границы, контрабандисты и т.п.), что необходимо учитывать при анализе репрессивной политики. Кроме того, результатом такого подхода являются общие цифры по всему периоду 1920—1950-х годов, они не позволяют определить интенсивность государственного террора на различных этапах.

И уж вовсе некорректным нам представляется метод, который использовал благовещенский историк С.А. Головин. На основании базы данных о количестве следственных дел в краях и областях Дальнего Востока он не только попытался вывести предположительную *суммарную* цифру осужденных по политическим мотивам за 1930-е годы (т.е. за десятилетие), но и соотнес ее с общей численностью населения ДВК в *одном* 1937 г., «получив» таким образом удельный вес репрессированных⁴⁹.

И тем не менее даже те неполные данные, которыми мы располагаем, позволяют говорить о том, что дальневосточный регион в 1937—1938 гг. был в числе территорий, население которых испытало мощный пресс государственной репрессивной политики.

¹ Козлов А.Г. Рец. на кн.: Шулубина С.А. Система Севвостлага. 1932—1957 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003 // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 307; Он же. Рец. на кн.: Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан: Кордис, 2000 // Там же. С. 279.

² Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. Хабаровск, 1991. № 2. С. 140—148.

³ ГАПК. Ф.Р-1588, д. П-33491, л. 195—197.

⁴ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск: Хабаровское. кн. изд-во, 1991. С. 16; Merritt S. The Great Purges in the Soviet Far East, 1937—1938. Рукопись доклада, представленного на конференцию Ассоциации американских славистов. США. 1997. С. 14.

⁵ ГУЛАГ: главное управление лагерей. 1918—1960 / под ред. А.Н. Яковлева, сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002. С. 812.

⁶ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба... С. 18—19.

⁷ Войнилович М. Дело № СУ-3246 (жизнь и смерть комбрига Дрекова). Южно-Сахалинск, 1991. С. 59.

⁸ Николаев С. Выстрелы в спину... С. 140—148; Starkov B.A. Narkom Ezhov // Stalinist Terror. New Perspectives / Ed. by Getty J.A. and Manning R.T. Cambridge University Press, 1993. P. 31.

⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 96—98.

¹⁰ Merritt S. «Матушка Россия, прими своих детей!» — Archival Materials on the Stalinist Repression of the Soviet Kharbinty // Россияне в Азии: Лит.-ист. ежегодник. Торонто (Канада), 1998. № 5. С. 218—219; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. С. 44—46, 49, 107, 141.

¹¹ ГУЛАГ: главное управление лагерей... С. 102

¹² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 31, 50.

¹³ Служба безопасности. М., 1993. № 5—6. С. 2.

¹⁴ Венгеров А. Законность, как ее понимал Вышинский // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С. 255.

¹⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД // Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / под ред. А.Н. Яковлева, сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 832.

¹⁶ Николаев С. Выстрелы в спину... С. 140—148.

¹⁷ ГАПК. Ф.Р-1588, д. П-33491, л. 188—191; Буяков А.М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах. Владивосток: Изд-во «Русский остров», 2003. С. 36, 86—90.

¹⁸ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах и документах. Ч. 1. (1931—1941). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 217—218.

¹⁹ Козлов А.Г. Севвостлаг НКВД СССР (1937—1941) // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. С. 91, 96.

²⁰ До сих пор нет точного ответа на вопрос о причинах этого шага бывшего шефа дальневосточных чекистов. Существуют версии, по одной из которых побег был связан с предчувствием Люшкова своего ареста, по другой — выполнялся как секретная операция, разработанная самим Сталиным для влияния на японские военные планы относительно Советского Союза. Факт бегства Люшкова за границу в течение месяца скрывался даже от самих сотрудников УНКВД по ДВК, которые узнали о нем лишь после публикации в японской прессе. См.: Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Изд-во «Республика», 1992. С. 218; Буяков А.М., Полу-

- тов А.В. Дальневосточный гесс и государство-призрак // Дальневост. панорама. Вып. 1. Владивосток, 1991. С. 62—93.
- ²¹ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 41, 117, 256.
- ²² Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1994. № 4. С. 135.
- ²³ Войнилович М. Дело № СУ-3246...; Колесников Н.И. Двадцать лет во главе советского Северного Сахалина (1925—1945) // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1997. № 4. С. 116, 123—128.
- ²⁴ Чернолуцкая Е.Н. К вопросу о роли низового аппарата НКВД в массовых репрессивных операциях // Органы государственной безопасности Приморья: Взгляд в прошлое во имя будущего: Материалы науч.-теор. конф. Владивосток: ИРА «Комсомолка ДВ», изд-во Дальневост. ун-та, 2003. С. 94—99.
- ²⁵ Информационный бюллетень «Из истории политических репрессий в с. Козьмодемьяновке Тамбовского района Амурской области (1924—1946)». Благовещенск: Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при Администрации Амурской области. 2003 г. Май. С. 59—67.
- ²⁶ Якупов Н.М. Сталин и Красная Амия (Архивные находки) // История СССР. 1991. № 5. С. 171.
- ²⁷ Stephan J.J. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994. P. 220.
- ²⁸ Картунова А.И. 1938-й: Последний год жизни и деятельности Маршала В.К. Блюхера // Новая и новейшая история. 2004. № 1.
- ²⁹ ГАПК. Ф. 1588, д. П-31129, 31130; Е.М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. Публикация М. Янсена // Минувшее: Ист. альманах. Кн. 7. М.: Открытое общество «Феникс», 1992. С. 194; Исаева Г.П., Кривлевич Е.Б., Лищинский Б.Д., Мизь Н.Г., Чернолуцкая Е.Н. От шаманского бубна до луча лазера (Очерки по истории медицины Приморья). Ч. 2. Владивосток: Владивост. гос. мед. ин-т, 2000. С. 66—67.
- ³⁰ Вениамин, епископ Владивостокский и Приморский: Репрессии против Русской Православной Церкви как показатель бездуховности общества // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: Материалы первой дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 11—12.
- ³¹ Крючков Д.И. Свидетельство очевидца // Гермес. Южно-Сахалинск, 1990. № 27, 4—15 дек. С. 4.
- ³² РГИА ДВ. Ф.Р-1588, д. П-24924, л. 234—235.
- ³³ Сутурин А. Дело краевого масштаба... С. 11—12.
- ³⁴ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 25, 51—53, 96—98.
- ³⁵ Еланцева О.П. К вопросу о политических репрессиях в СССР // Политические репрессии на Дальнем Востоке... С. 31—32; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 54, 135, 149.
- ³⁶ Еланцева О.П. Обреченная дорога. БАМ: 1932—1941. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. С. 163—167, 170—172, 174.
- ³⁷ Чернолуцкая Е.Н. О некоторых аспектах истории Дальлага // Гуманитар. исследования: Альманах. Вып. 3. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1999. С. 304—305.
- ³⁸ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах... С. 217
- ³⁹ Там же. С. 218; Козлов А.Г. Реч. на кн.: За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан: Кн. изд-во, 1999 // Исторические исследования на Севере... С. 202.
- ⁴⁰ Мемориал-Аспект. М., 1994. № 12. С. 6.
- ⁴¹ Частично эта проблема рассмотрена в статье: Чернолуцкая Е.Н. «Националы» Приморья в сталинских политических репрессиях // Известия РГИА ДВ. Т. I. Владивосток, 1996. С. 149—160.
- ⁴² РГИА ДВ. Ф.Р-2413, оп. 2, д. 735, л. 29.
- ⁴³ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 218—220.
- ⁴⁴ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 126.
- ⁴⁵ Козлов А.Г. Реч. на кн.: За нами придут корабли... С. 202.
- ⁴⁶ Буяков А.М. Гвишиани во главе органов госбезопасности Приморья в 1938—1950 гг. // Органы государственной безопасности... С. 37.
- ⁴⁷ Подсчитано автором на основании актов об исполнении решений «тройки» УНКВД ДВК в гг. Владивостоке и Ворошилове в 1937—1938 гг. при работе с архивными делами в УФСБ по Приморскому краю.
- ⁴⁸ Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области. Т. 6. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский институт экономики, права и информации. Лаборатория социально-исторических исследований, 2000. С. 172.
- ⁴⁹ Головин С.А. Социально-классовый и количественный состав репрессированных по политическим мотивам в южных районах Дальнего Востока в 30-е гг. XX в. // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию гражданской войны и иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2002. С. 232—233.

SUMMARY. Candidate of Historical Sciences Elena Chernolutskaia in her article “The Order of NKVD № 00447 “On the Operation of Repression against anti-Soviet elements. The Far East. 1937—1948” describes the events of the Great Terror, especially bloody period in the history of the USSR. The author shows in detail the operations of NKVD authorities only in the Far East, clearly defining the frames, singling out the main stages and directions of repression of those years.